

СТИХИ БЕЗ РИФМ И ФЯЛЬШИВЫЙ КАМПАНЕЛЛА

Лариса ГЕРШ.

"ЗВЕЗДНАЯ ГАВАНЬ"

"В предчувствии поэзии и света трепещет и горит моя душа", - признается автор из Лефортово, химик с 20-летним стажем, а ныне - инвалид I группы. Для нее появление хорошо изданного стихотворного сборника (причем на собственные деньги и в собственных же редакции, орфографии и пунктуации) - Символ. Попытка прорваться к свету и чему-то высшему и сокровенному, одержать победу над болью и недомоганием, приоткрыть для других дверь в свой искренний мир, полный совершенно особых красок и образов. А уж там "ароматом жасмина окутаю плечи", в то время как "опустился вечер на землю искупаться", а "в объятиях дождя уснула ночь"...

"И борется с судьбою и не ропщет, победно утверждая жизни свет", - определяет автор свое кредо. "Любовью ближнего мы живы и состраданием к нему", - напоминает Л. Герш. Жизнеутверждающие мотивы, призывы ценить мгновения красоты и быть добрее и внимательнее к тому, что вокруг, сочетаются с размышлениями о смысле жизни и месте человека на этой земле. Читаем: "Благодаренье вам, мгновенья счастья, душу мою на руках поднимая, вы приближаете ее к солнцу и к ветру, и к совершенству". Ей вообще хорошо удаются философские вещи, написанные белым стихом или верлибром. Чувствуется, что автор жаждет большей - прозаической - свободы.

Ну а законы поэзии, кажется, тяготят и озадачивают Ларису Герш. Необходимость периодически вспоминать о том, что для написания стихов существуют правила, мешает полноводной рекой разлиться ее мысли, ограничивают полет фантазии и вдохновения. Преодолеть барьеры в виде ритма и рифмы удастся с трудом. В конечном итоге все приводит к тому, что мысль тонет в неправильно подобранных для ее высказывания словах, рифма оказывается достаточно формальной и, скажем так, неизобретательной, вроде: "всегда-никогда", "сад-листопад", "кусты-черты", "повернуть-вернуть", "живых-иных", "дня-меня" и т. п., а сбои ритма - постоянным явлением, причем не являющимся художественным приемом.

Глеб СОКОЛОВ.

"ДЕЛО ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА"

Издательство "Аграф" выпустило этот роман в серии "Speculum mundi" ("Зеркало мира"). Однако в такое зеркало безболезненно сможет взглянуть не каждый. Это чтение не для всех. Роман, чем-то похожий на пьесу о том, как разыгрывается пьеса, которая сочиняется прямо здесь и сейчас, странен, тяжел и эклектичен, а стиль Соколова болотист, вязок и спиралеобразен. И то, что ты начал знакомиться с произведением, совсем не является залогом того, что ты доберешься до последней, 572-й (!), страницы. Здесь надо мыслить широко и аллегорично, то и дело пробираясь сквозь заросли потаенных смыслов и бурелом ассоциаций и подтекстов. Книжка философско-интеллектуальная, а ее герои ведут очень умные разговоры.

Ожидания тех, кто собирался с помощью романа Глеба Соколова погрузиться в XVII век, когда жил и творил итальянский философ-доминиканец, оказываются обманутыми. Это не историческое произведение, а Томмазо Кампанелла - не настоящий. Таков сценический псевдоним главного идеолога самодеятельного театра "Хорин" ("Это то место, где мы делаем нашу великую революцию в настроениях"). Имена других лиц - это тоже маски: господин Радио, журнал "Театр", Паспорт-Тюремный, учитель Воркута, женщина-шут, Лефортовская Царевна... Все происходит в наше время, а само произведение исследует вечное шекспировское "Весь мир - театр, а люди в нем - актеры".

Немалое место в "Деле..." отведено Лефортово, ставшему одним из действующих лиц. О нем много и часто говорят, сюда, в "Московский Ист-Энд", персонажи периодически возвращаются, в гостинице при местном рынке происходит ключевая сцена романа. Правда, главный герой любит этот район "странною любовью" и отзывается о нем не очень-то лестно, видя здесь какие-то мрачные декорации и ощущая атмосферу подонства. Впрочем, о странностях "Кампанеллы" - см. выше.

Александр СТЕПАНЦЕВ